
М. СТУДЕННА

**ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ В
ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ НА
ПРИМЕРЕ ПОЛЬСКИХ И УКРАИНСКИХ
ЦЕНТРОВ УГОЛЬНОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ**

В начале 90-х гг. XX в. вследствие распада функционировавшей с момента окончания Второй мировой войны двухполюсной системы глобального порядка сложилась новая геополитическая ситуация. Падение Советского Союза и разрушение блока стран так называемой народной демократии стали причиной выхода на международную арену ряда вполне независимых государств, находящихся накануне процесса глубокой трансформации государственного строя как в политико-экономическом, так и в социально-культурном плане. В ходе этого процесса на уровне государств необходимо было решить многие сложные вопросы, прежде всего заново определить место в рамках мировой системы, завязать дипломатические отношения с другими странами, затем перейти к внутренним реформам: в первую очередь установить рыночную экономику и решить проблему национальной идентификации. Процессы, вызванные трансформацией, повлияли не только на позицию государств, их несомненное воздействие на человека привело к своеобразной революции в сфере ценностей: превращению подверглись схемы мышления, затем изменился стиль жизни, так как трансформация происходила также на уровне личности. Учитывая вышесказанное, мы вправе утверждать, что переходное состояние 90-х гг. касалось практически всех общественных проблем, а во многих случаях этот процесс далеко не завершен. На протяжении 20 лет, которые прошли с момента начала трансформации в странах Центрально-Восточной Европы, люди (в среднем молодого

возраста) привыкли оценивать ее положительно, как начало новой, лучшей эпохи, эпохи свободного выбора и ничем не ограниченного употребления. По времени процессы трансформации идут с так называемой третьей волной глобализации, начавшейся с 80-х гг. XX в. (Balcerowicz 2005), которая закладывает краеугольный камень под постиндустриальное общество с его фундаментальными переменами в области технологии, ускоряющими широко понимаемую коммуникацию. Другими словами, процесс трансформации был вызван глобализацией, которую можно представить как интеграцию отдельных государств, вернее, национальных экономик (см.: Christie 2004), в мировую сеть взаимозависимости. Невозможно избежать тривиальной фразы, что глобализация затрагивает все без исключения аспекты жизни, а это само собой означает, что включение в вышеуказанную глобальную сеть практически необходимо. Ибо тот, кто не подчиняется интеграции, оказывается, как я постараюсь дальше показать, вне системы, то есть не существует, по крайней мере существовать не должен. Суммируя введение, замечу, что моя статья посвящена людям, которые в новых условиях оказались выброшенными из общественного пространства, отчуждены от институтов социальной интеграции, в первую очередь от рынка труда. Для того, чтобы полнее отразить суть вопроса, я выбрала центры угольной промышленности, расположенные в Польше и Украине. Оба эти государства имеют социалистическое прошлое, что способствует попытке ответить на вопрос, в какой степени это влияет на формирование сегодняшней социальной стратификации, а с другой стороны, дает возможность сравнить ее со стратификацией стран Запада. Поскольку Польша только что справилась (более-менее успешно) с задачей трансформации, а в Украине эти перемены находятся все еще в процессе, надеюсь, что приведенные мною примеры раскроют суть данной проблемы. Статья четко разделена на две части. Первая имеет теоретический характер, а проведенные в ее рамках рассуждения направлены на разработку генезиса концепции социальной эксклюзии. Вторая часть в свою очередь является попыткой конкретизации феномена социальной эксклюзии в постиндустриальном обществе.

Понятие социальной эксклюзии требует уточнения. На научной почве оно возникло совсем недавно, и многие исследователи обращают внимание, что оно является новым определением для уже изучаемых проблем. К этим проблемам относятся, безусловно, бедность, нищета, неравенство по доходам, причины и последствия безработицы, позиция этнических (чаще всего *цветных*) меньшинств в обществе или целый ряд вопросов, связанных с так называемыми «болезнями цивилизации», в первую очередь наркоманией и алкоголизмом. Одновременно большинство исследователей соглашаются с тем, что эксклюзия как научное понятие указывает на новые аспекты тех же проблем и расширяет их в плане семантики, в чем действительно нуждались гуманитарные науки. То, что необходимо сформулировать новое теоретическое понятие определения старых проблем, я попытаюсь объяснить, анализируя изменения по отношению к бедности как таковой. В раннем Средневековье отношение к бедности значительно отличалось от сегодняшнего. Бедные воспринимались как Божьи существа, и потому оказывать им помощь означало пойти навстречу Создателю, то есть бедные исполняли архиважную функцию – предоставляли остальным шанс участвовать в деле Спасения (Smolińska-Theiss 2005: 47–48). Со временем, однако, эта точка зрения изменилась. Бедными начали брезговать, бояться их как источника грязи, микробов, вызывающих опасные болезни, и, грубо говоря, всего зла. Здесь в зародыше лежит концепция отделения бедных от остальных, устранения их для начала за пределы города, а затем вообще из сознания общества. Вместе с развитием эпохи индустриализации расцвела концепция государства всеобщего благосостояния, осуществляемая в Западной Европе со времени окончания Второй мировой войны. В рамках государства этого типа каждому гражданину гарантировались достойный уровень жизни и широкий набор социальных благ, то есть занятость, жилье, медицинская помощь, образование, пенсия и т. п. Составной частью той же политики стало *избежание* бедности (Абрахамсон 2001). Бедность, конечно, не исчезла, но государство раскрыло над гражданами своеобразный зонтик защиты, целью которой являлось содержание так называемой резервной армии труда, пригодной для развития производства. Именно это производство стало *spititus movens* – современной экономикой, а его

труд получил новый аксионормативный оттенок. Если раньше к труду относились как к своеобразному наказанию, чему-то унижающему, то в эпоху модерна труд, особенно тот, результаты которого можно было выразить с помощью денег, стал абсолютной обязанностью согласно принципу: *кто не работает, тот не ест*. Бедность воспринималась как акт уклонения от обязанности, просто грех, за последствия которого человек, не устроившийся на работу, отвечает самостоятельно. Вместе с уходом эпохи промышленности оказалось, что массовое потребление не требует массового производства. Начался процесс постепенного исчезновения государства всеобщего благосостояния, окончательно приведший к его почти полному кризису. Резервная армия труда оказалась никому не нужной и слишком дорогой в содержании по сравнению с автоматизацией, заменяющей человеческий труд, именно из ее рядов выходили *новые бедные* (см.: Bauman 2006). На этом этапе размышлений стоит подчеркнуть серьезные изменения, произошедшие в структуре общества. Если общество, функционирующее в эпоху индустриализации, было названо *промышленным*, тогда в нашей, то есть постиндустриальной, эпохе мы говорим об *обществе потребителей*. Оно является обществом потребителей в похожем, глубоком и фундаментальном смысле, в каком общество наших предков заслужило названия промышленного. Можно сказать, что в эпоху модерна главной формой полного участия в обществе являлась производственная активность, в эпоху постмодерна – широко понимаемое потребление (*Ibid.*: 54–55). Очевидно, что это не одно и то же – быть бедным в обществе, которое нуждается в каждом взрослом человеке, и быть бедным в обществе, которое благодаря аккумулированному капиталу в состоянии производить все, что нужно, без участия огромной и постоянно увеличивающейся массы трудящихся (*Ibid.*: 17–18). Эти расхождения имеют определяющее значение для очередного изменения смысла бедности. Как объясняет известный социолог польского происхождения Зигмунд Бауман, согласно традиционному взгляду состояние бедности означает прежде всего прямую угрозу физической жизни, угрозу смерти от голода, от неизлечимых болезней или недостатка комфортного убежища. И во многих частях нашей планеты эта дефиниция остается в силе. Тем не менее неправильно сводить явление

бедности к лишению материальных благ и физическим неудобствам. Бедность – это также определенное психическое и социальное состояние, поскольку качество человеческого существования измеряется по стандартам достойной жизни, принятым в данном обществе. Неспособность их поддерживать сама по себе является причиной стресса, страдания и унижения. Бедность в то же время означает ситуацию исключения из того, что признается нормальной жизнью, недостаток возможностей стать такими, как другие, ведет к потере самооценности, ощущению стыда и вины, отказу от своего потенциала (Вауван 2006: 77). Таким образом, приходим к выводу, что чрезвычайно бедственное материальное положение, вызванное прежде всего исключением из рынка труда и рыночных отношений, является главной, но не единственной причиной социальной эксклюзии. Исследователи разных областей науки сходятся в том, что главным фактором, решающим проблему социальной эксклюзии человека, остается факт лишения его возможности жить теми же проблемами, которыми живет остальная часть общества. Это объясняет непонятный на первый взгляд метод рассматривания в рамках одной группы проблемы безработных и иммигрантов, одиноких матерей и людей с криминальным прошлым либо безземельных крестьян и инвалидов (Szarfenberg 2008). Это также дает возможность применить универсальные меры для исследования проблем относительного и субъективного характера, к которым, несомненно, принадлежит бедность. В поддержку вышесказанного хочу сослаться на работу очередного польского социолога – Хенрика Доманского, который пишет: «Очень сложно сравнивать социальные контрасты в посткоммунистических странах со странами Запада. В негритянском гетто в Чикаго, которое стало первой социологической лабораторией для анализа андеркласса, найдем больше владельцев микроволновых печей или разбитых фордов, чем в бедных кварталах Бухареста, Москвы или Софии» (Domański 2002: 46).

Возвращаясь на почву методологии, стоит подчеркнуть, что первые попытки постмодерновой формулировки понятия социальной эксклюзии относятся к 70-м гг. XX в. Именно тогда американские и британские социологи разработали понятие городской бедности. В рамках методологической разработки речь шла о том, что-

бы найти высокоточное определение, более широкое, чем бедность, объясняющее ситуацию людей, оставшихся вне рамок общества, выброшенных за его борт по разным причинам. Главный акцент подхода постмодерна к проблеме бедности как следствие безработицы, возникшей, однако, не по причине каких-либо изъянов в состоянии человека или его нежелания работать, а из-за того, что первые симптомы деиндустриализации выявили угрозу недостатка рабочих мест для всех. Именно в таком контексте шведский экономист лауреат Нобелевской премии Гуннар Мюрдаль в 1963 г. впервые употребил слово *андеркласс* (Вауван 2006: 135). Поиски адекватного определения привели к тому, что как в академический, так и в политический дискурс вошли понятия типа: *культура бедности, люди отчужденные, выключенные, лишние, нежелательные, андеркласс* и, наконец, *социальная эксклюзия*. На сегодняшний день на фоне упомянутых мною понятий наибольшей популярностью пользуется концепция социальной эксклюзии, и это определяется следующими факторами.

Вначале следует вспомнить, что категория социальной эксклюзии имеет европейский и континентальный генезис в противоположность своему англо-американскому эквиваленту, то есть социальной маргинальности. Это категория с французскими корнями, идущая от классической французской мысли, идеи солидарности Эмиля Дюркгейма. Об этом свидетельствует тесное соединение проблематики социального исключения с вопросами интеграции и социальной сплоченности, это как две стороны одной и той же монеты. Бедность и нищета никогда не были и не могут оставаться без оценки. В обществе эпохи модерна бедность теряет свой средневековый статус, то есть принадлежность к сфере *священного*, и получает отрицательную коннотацию. Определения вроде *бедность, бедный* воспринимаются как негативно характеризующие человека. А такие категории, как *культура бедности, культура зависимости* либо *андеркласс*, имеют даже оскорбительное и унижающее значение. Следовательно, о своеобразном карьерном росте понятия социальной эксклюзии в общественных науках свидетельствует его описательный и нейтральный характер (Tarkowska 2005: 17–19). Здесь стоит подчеркнуть, что в римско-католических и православных обществах аксиологические контексты совсем другие. Бед-

ность не оценивается таким критичным образом и не приписывается к отрицательным чертам личности, как это имеет место в обществах, связанных с культурой протестантизма. Добавлю, в странах, прошедших трансформацию государственного строя, бедные воспринимаются жертвами процесса, и то, что в их нищете виновата система, а не они лично, не вызывает сомнений (Falkowska 1997). Концепция социального исключения в большой степени отражает также изменения, произошедшие в социальной дифференциации. Предыдущая, классовая, стратификация, делившая общество на вертикальные слои, постепенно замещается горизонтальной дифференциацией на *инсайдеров и аутсайдеров*. Французский историк Ален Турен подчеркивает: «В настоящий момент мы переживаем переход от вертикального общества, которое принято называть классовым, к горизонтальному, где наиболее важно понимать не то, что люди внизу или наверху, а в центре они или на периферии, то есть речь идет не о понятиях верх – низ, а о понятиях внутри – вне» (Touraine 1991). Безусловно, стоит также привести историческое объяснение датского социолога Петера Абрахамсона, который понимает бедность как классический феномен, ассоциирующийся с эпохой ранней индустриализации в том смысле, что социальная эксклюзия является ее эквивалентом в эпохе постмодерна. Бедность – состояние, когда большинство рабочего класса эксплуатируется буржуазией, при социальной эксклюзии происходит наоборот – меньшинство маргинализируется от общества среднего класса, причем это уже не состояние, а, скорее всего, процесс, так как социальная эксклюзия является динамичной концепцией. Трудно не заметить тот факт, что категория социальной эксклюзии подходит к политическому дискурсу эпохи постмодерна. Еще раз сослужу на Абрахамсона: «Поскольку признание бедности означало критику существующей политики государства всеобщего благосостояния, провозглашавшей исчезновение этого феномена (в некоторых странах существование бедности считалось политически некорректным), социальная эксклюзия оказалась более удобной концепцией, так как в большей степени перемещала проблему на индивидуальный уровень» (Абрахамсон 2001). Подводя итоги, стоит подчеркнуть, что социальная эксклюзия заменяет также понятие *андеркласс*, особенно в Центрально-Восточной Европе. Замечу, что

по поводу андеркласса ведется активная дискуссия, существует ли он вообще. Если наиболее характерной чертой структуры является факт, что его представители не участвуют в рынке труда и общественной жизни, то соответственно о нем стоит говорить как о подклассе. Но все-таки подкласс является более-менее плотной и ограниченной структурой. Говоря языком Зигмунда Баумана, в эпохе *жидкого модерна* таких структур не существует, так что употреблять понятие *социальная эксклюзия* в очередной раз оказывается более корректным. Надеюсь, таким образом, я исчерпала проблему генезиса понятия социальной эксклюзии и определила категории людей, подвергающихся ее угрозе, и поэтому перехожу к пояснению примерами. Приведя в качестве примеров центры угольной промышленности, думаю, однако, что итоги моих рассуждений характерны для всех больших ликвидированных заводов или деревень, для которых главным источником дохода были государственные сельские хозяйства, то есть для всех тех мест, где вследствие трансформации возникают потенциальные *карманы бедности* (Domański 2002: 108–109).

Каменный уголь выполнял роль самого главного ресурса в послевоенной экономике. Для его добычи были модернизированы старые и образованы новые шахты, которые гарантировали рабочие места для трудящихся масс. Донецкий угольный бассейн и Верхняя Силезия – два главных центра добычи угля в Польше и Украине – отличаются от остальных земель оригинальной культурой, одинаковым отношением к работе, сохранившейся региональной традицией и нередко диалектом. Конечно, перемены, вызванные индустриализацией, ускорившейся после Второй мировой войны, несомненно, повлияли на представления о мире и о себе рабочих, шахтерских содружеств и традиционное мировоззрение. Однако, на мой взгляд, характерные черты этих шахтерских содружеств подверглись почти полной атрофии только в момент трансформации. Для моих рассуждений прежде всего имеет значение отношение к работе. В культурной традиции рабочей среды труд является самоценным. Труд как таковой – это ценность сама по себе, ценность, которую надо уважать, это работа, которую надо выполнять согласно принципам честности и добросовестности (Świątkiewicz 1991: 74). В связи с этим формировался образец человека дисцип-

лины, подчиняющего свое поведение принципам организации труда. Рабочее место, завод или шахта играли важную роль в жизни рабочего, и соответственно жизнь его семьи организовывалась согласно ритму рабочего времени. Шахта тоже была основанием для своеобразной социальной инфраструктуры. В шахте налаживали дружеские и профессиональные отношения, праздновали национальные и государственные праздники, отмечали личные юбилеи. В традиционном шахтерском менталитете существует наблюдаемое разделение социальной роли мужчины и женщины, по которому обязанность работать (вне дома) и содержать семью принадлежит мужчинам. Соответственно всю домашнюю работу выполняют исключительно женщины, а попытка загрузить ею мужчин воспринимается как нарушение их достоинства. В 1989 г. по профессии работало только 28 % жен польских шахтеров, на сегодняшний день количество занятых женщин составляет около 50 % (Szobak, Balon 2006). Стоит отметить, что это не касается Донбасса, где не редкость и женщины-шахтеры. Масштабное сокращение занятости, прошедшее в начале 90-х гг. XX в., привело не только к резкому снижению жизненного уровня шахтерских семей, но также к большим переменам в сфере сознания и восприятия ими окружающего мира. Структуральная безработица болезненно ударила прежде всего по людям пожилого возраста, которые имели лишь профессиональное образование. Для человека, который в момент трансформации достиг пятидесяти лет и всю свою жизнь работал на шахте, необходимость переквалифицироваться означала просто катастрофу. Государственные программы, предоставляющие тренинги и курсы с целью изменения профессиональных квалификаций, не охватили всех в них нуждающихся, а для человека, который не имеет кроме шахтерского никакого другого профессионального опыта, совет вроде «пусть открывает собственный бизнес» звучит просто иронически. Вместе с падением нерентабельных шахт распались профессиональные и дружеские связи, своеобразная социальная инфраструктура, ранее гарантирующая шахтерам и их семьям определенную стабильность как в материальном, так и в ментальном смысле. В постиндустриальных городах с тех пор наблюдается интересная тенденция. Люди, которые не нашли себе места в новой обстановке, разделились на две характерные

группы. Первую составляют пассивные получатели социальной помощи. Вторую – пионеры новой формы заработной активности, раньше воспринимаемой как признак лени (имеются в виду собиратели металлолома) (Dębowski 2005: 123–135). Серьезной проблемой этих постиндустриальных анклавов является так называемая межпоколенная передача бедности. Здесь подразумевается трансферт определенного мировоззрения, которое характеризуется пассивным отношением к поиску работы, недостатком уверенности в себе, окончательно ведущим к ситуации, когда человек готов ограничиваться лишь тем, что можно получить в институтах социальной помощи.

В дальнейшем стоит обратить внимание на перемены в ландшафте шахтерских городов и поселков. В промышленную эпоху во всех городских шахтерских агломерациях доминировала рабочая культура, города ассоциировались с промышленными центрами, поскольку их индустриальный характер вышел на первое место. Только сегодня постиндустриальные города акцентируют внимание на своем историческом прошлом и начинают экспонировать достопримечательности, не связанные с рабочей культурой. Эти города инвестируют средства в развитие высших учебных заведений, готовящих не только будущих инженеров и представителей точных наук. Все чаще города организуют культурные мероприятия на международном уровне (Wódcz J., Wódcz K. 2005). Проблемой являются старые рабочие кварталы. Построенные еще в XIX и начале XX в. (речь идет о Силезии) кварталы для рабочих, оснащенные всеми удобствами, по замыслу должны были служить людям как комфортное, расположенное вблизи заводов и шахт жилье. Вместе с сокращением рабочих мест в горной промышленности в рабочих кварталах приютилась бедность. Агрессия, патологии и, наконец, рост преступности, вызванные общей жизненной фрустрацией, превратили старые рабочие кварталы в наиболее опасные переулки. Агрессия чаще всего направлена на туристов или так называемых внешних людей. На стене определенного здания в одном из старых рабочих кварталов города Катовице появилась надпись: «Живем для того, чтобы вас убить!» (Springer 2008). Бывшие рабочие и жилые здания из года в год ветшают. Недостаток средств для их восстановления влияет на постоянное снижение

комфорта жизненных условий. Неремонтируемые дома и не обеспеченные, но закрытые шахты в большой степени угрожают проживающим в них (либо вблизи них) жителям в плане физической безопасности и экологических угроз (Донбасс и Верхняя Силезия находятся на первом месте по загрязнению окружающей среды в рамках своих государств). В Польше в настоящее время девелоперы и инвесторы открывают потенциал старых рабочих кварталов. Чаще всего на их месте строятся так называемые «лофты» (то есть модные кварталы для богатых). Для многих жителей это означает необходимость переселения, а местные власти, заинтересованные в удовлетворении инвесторов, остаются глухими ко всяким голосам протеста. Лично мне это не напоминает ничего другого, как продолжения концепции устранения ненужных, лишних людей за пределы города.

Вместо заключения хочу просто поставить вопрос. Несомненно, среди сегодняшних бедных находятся люди, которые по разным причинам сами являются виновниками своей судьбы, которые либо предпочитают заниматься криминальной деятельностью, либо сознательно совершают грех лени. Но если в начале XXI в. мир все-таки разделяется по закону Парето, не является ли глобальная деревня со своим техническим прогрессом и автоматизацией рабочей силы, якобы облегчающими нашу жизнь, всего лишь прекрасно звучащим лозунгом?

Литература

- Абрахамсон, П.** 2001. *Социальная эксклюзия и бедность*. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2003/12/13/0000139410/015aBRAHAMSON.pdf>. Дата доступа: 08.09.2009.
- Balcerowicz, L.** 2005. *Trzecia fala globalizacji*. Available at: <http://www.exporter.pl/zarzadzanie/pme/8globalizacja.html> (31.08.2009).
- Bauman, Z.** 2006. *Praca, konsumpcjonizm i nowi ubodzy*. Kraków.
- Christie, N.** 2004. *A Suitable Amount of Crime*. London; N. Y.
- Dębowski, P.** 2005. Wielkomiejscy rozbitkowie. Złomiarstwo jako sposób na życie ubogich. In Grotowska-Leder, J., Faliszek, K. (eds.), *Ekсклюзия i inkluzja społeczna. Diagnoza, uwarunkowania, kierunki działań*. Toruń.

- Domański, H.** 2002. *Ubóstwo w społeczeństwach postkomunistycznych*. Warszawa.
- Falkowska, M.** 1997. *Społeczna definicja biedy, jej zasięg i przyczyny*. Warszawa.
- Ostrowska, M. (ed.)** 2005. *Skazani na wykluczenie*. Warszawa.
- Smolińska-Theiss, B.** 2005. Dylematy marginalizacji z perspektywy pedagogiki społecznej. In Ostrowska 2005.
- Springer, F.** 2008. To nie są czasy na ideały. *Polityka* 39(2673).
- Świątkiewicz, W.** 1991. Miejskie społeczności lokalne Górnego Śląska. In Świątkiewicz, W., Wódz, K. (eds.), *Tożsamość kulturowa starych dzielnic miast Górnego Śląska*. Wrocław-Warszawa-Kraków.
- Szarfenberg, R.** 2008. *Pojęcie wykluczenia społecznego*. Available at: http://www.ips.uw.edu.pl/rszarf/pdf/pojecie_ws.pdf (08.09.2009).
- Szobak, A., Balon, W.** 2006. *Transformacja w dialekcie śląskim*. Available at: http://www.socjalizm.org/kraj/transformacja_w_dialekcie_slaskim.htm (09.09.2009).
- Tarkowska, E.** 2005. Kategoria wykluczenia społecznego a polskie realia. In Ostrowska 2005.
- Touraine, A.** 1991. Face à l'exclusion. *Espirit* 141.
- Wódz, J., Wódz, K.** 2005. W poszukiwaniu nowej tożsamości. Miasta Śląska i Zagłębia w okresie przemian końca XX wieku. In Kloch, B., Stawarz, A., *Tożsamość społeczno-kulturowa miasta postindustrialnego w Europie Środkowej*. Rybnik – Warszawa.